

В доме накрыли два стола для самых уважаемых старейшин деревни, старосты и сельского головы.

Вэй Цю, Чэн Шинань, Цянь Минь и Мэн Цюань со своими близкими устроились за отдельным столом.

Все гости — от мала до велика — нахваливали мастерство Вэй Цю. Он умудрился угодить вкусам каждого.

Дядя Цянь смеялся: — Цянь Минь все уши прожужжал, какой Вэй-гэр умелец. Сегодня мы и сами убедились! Ешьте, гости дорогие, не стесняйтесь!

Староста тоже улыбнулся: — Наш Дабао тоже два дня только об этом и твердил, за что и получил нагоняй от матери.

Все дружно расхохотались, а Цянь Бао (Дабао) покраснел: — Ну вот, теперь вы сами попробовали и знаете, что я не врал!

Гости пробовали блюда, и каждое казалось им в новинку и необычайно вкусным. Особенно хвалили «мясо в горшочке» (коужоу) и ребрышки в рисовой муке. Мясо было настолько нежным, что буквально таяло во рту — идеальный вариант для стариков, которым трудно жевать. А аромат сушеной горчицы и сладость тыквы придавали блюдам изысканный оттенок.

Мэн Цюаню и другим молодым парням больше по душе пришлись крупные куски румяного хуншаожоу и упругие свиные копытца. Под крепкое вино это было просто божественно!

Даже женщины и дети с удовольствием обгладывали косточки, а у малышей мордашки так и блестели от жира.

За столом Вэй Цю Линь Цао особенно налег на утку с имбирем — острую и ароматную. Цянь Бао и его друзья, не чинясь, устроили шуточную битву палочками за последние куски мяса.

Вэй Цю и Линь Цао, посмеиваясь, не вмешивались. Вэй Цю положил кусочек рыбы Дань-даню — малыш её обожал.

— Вэй-гэр, не балуй его, сам ешь, — улыбнулся Линь Цао. — Ты всё утро на ногах.

Вэй Цю вытер рот Дань-даню: — Ничего страшного.

В его собственной миске уже высилась гора еды — Шинань без устали подкладывал ему лучшие кусочки. Вэй Цю, в свою очередь, переложил мужу кусок коужоу, заметив, что тому оно очень понравилось.

Окружающие с доброй улыбкой наблюдали за этой трогательной заботой супругов. Шинань выглядел непривычно расслабленным и радостным — от его прежней угрюмости не осталось и следа.

Вскоре по всему двору пошли разговоры: «Не зря пришли! Такого пира в деревне отродясь не видели!».

— Слушай, а почему это коужоу с соленьями такое вкусное? Один кусок — и язык проглотишь! — один из мужиков вытер рот и приложился к чарке.

— И не говори! А копытца? Нежные, но с хрустом, и никакого постороннего запаха. Вот это я

понимаю — еда!

— А хуншаожоу под винцо? Да такой жизни и боги позавидуют!

Двор взрывался хохотом.

Мужики хлопали себя по бедрам: — Повезло Шинаню! С таким фуланом и горя не знавать!

После этих слов на Шинаня посыпались шуточные проклятия зависти, а их авторы тут же получали щипки от своих жен и мужей — веселье в саду не утихало.

Если кто и сгорал от настоящей зависти, так это семья Чэн.

Сначала они сидели с высокомерными минами, но стоило попробовать еду, как они тут же забыли о приличиях, боясь не успеть к раздаче. Цянь-ши не просто ела сама, но и заваливала миску младшего сына горой мяса. Соседи по столу смотрели на это с брезгливостью.

— Ох, кума Цянь, как же вы сына-то любите! — съязвила вчерашняя Цзиньхуа. — Достаеть-то хоть до блюда? Может, подвинуть поближе к тебе?

Эти двое всегда недолюбливали друг друга. Злыдня Цзиньхуа не могла терпеть, что Чэны ведут себя так, будто это их личный праздник.

Тетушка Юй подлила масла в огонь: — Ну что ты, Цзиньхуа, не ворчи. Видать, кума Цянь просто соскучилась по стряпне Вэй-гэра. Он же у них в доме небось с утра до ночи у плиты стоял, пока молодая невестка не пришла. Вот она и не может наесться впрок! Правда, кума?

Лицо Цянь-ши пошло пятнами, а Чэн Пингуй сжал палочки так, что побелели костяшки.

Старуха Чэн прошамкала: — Ерунда какая. Я вот сама впервые пробую, не знала, что у него такой талант.

Цянь-ши, пытаясь сохранить лицо, натянуто улыбнулась: — Вэй-гэр когда у нас жил, здоровьем был слаб, мы его берегли, заставлять не смели...

— Да ну? — картинно удивилась Цзиньхуа. — А я вот видела, как он целыми днями то с дровами, то с водой, то корову пасет, то корзину белья на речку тащит...

За столом повисло неодобрительное молчание.

Всем было ясно, что Цзиньхуа режет правду-матку, и никто не сочувствовал Цянь-ши. В деревне все знали, что Пингуй живет на деньги семьи Сюэ, но при этом корчит из себя барина.

В разгар обеда дядя Цянь и Амо Цянь пошли по столам благодарить гостей. Все в один голос хвалили хозяев — пир удался на славу.

Амо Цянь сиял: Вэй-гэр обеспечил ему такое «лицо», какого во всей округе не сыщешь. Дядя Цянь, уже изрядно захмелевший, принимал поздравления и пил со всеми подряд.

Цянь Минь и Цянь Бао потихоньку подливали ему в кувшин воду, чтобы тот не свалился под стол раньше времени.

Вскоре мужики во дворе вошли в раж и начали соревноваться, кто кого перепьет. Шинаня и Мэн Цюаня тоже затащили в круг. Вэй Цю с Дань-данем на руках и Линь Цао лишь

посмеивались. Окружив Шинаня, мужики потребовали, чтобы он выпил три штрафных.

— Это еще за что?! — возмутился Мэн Цюань.

— А за то, что жену такую золотую отхватил! С такой кормежкой грех не выпить! — загоготали мужики.

Шинань, непривычно широко улыбаясь, молча осушил три чарки подряд под восторженный рев толпы.

Вэй Цю, глядя на разрумянившегося и веселого Шинаня, вдруг понял: именно таким он и должен быть. Не угрюмым калекой, раздавленным жизнью, а молодым, сильным двадцатидвухлетним парнем, у которого впереди вся жизнь. Он заслужил это счастье.

Заметив, как лихо пьют мужчины, Вэй Цю шепнул Линь Цао, и они вдвоем ускользнули на кухню варить отрезвляющий отвар. Грязную посуду Амо Цянь поручил мыть нанятым помощницам, так что ребят никто не беспокоил.

— Амо Цю-Цю, что это? Не пахнет вкусно... — Дань-дань с любопытством заглянул в котел.

— Это лекарство для дядей, чтобы животики не болели, — улыбнулся Вэй Цю.

К тому времени, как отвар был готов, гости начали расходиться. Старейшины и староста уже прилично «набрались», и Цянь Минь прибежал поблагодарить Вэй Цю за заботу. Парень сам едва ворочал языком, а лицо его было пунцовым.

— Вэй-гэр, спасибо... мы и не подумали... — лепетал он.

Вэй Цю протянул ему чашку: — Пей давай. Ты хоть помнишь, зачем сегодня всё это затевалось?

Цянь Минь замер, хлопнул себя по лбу — «Сватовство!» — и пулей вылетел во двор искать ту самую родственницу, которую так и не успел рассмотреть из-за суеты.

Вэй Цю и Линь Цао долго хохотали над бедолагой. Наконец, когда все разошлись, супруги засобирались домой. Шинань выпил лишнего: глаза у него были красные, как у кролика, и походка стала нетвердой.

Дома Вэй Цю помог ему раздеться, обтер лицо и руки теплой водой. Шинань, не мигая, смотрел на мужа и беспрекословно подчинялся любому слову, словно послушная кукла.

— Спи, Ши-гэ, — Вэй Цю закрыл ему глаза ладонью.

Шинань упрямо отвел его руку: — Нет... хочу посмотреть на тебя...

— Спи, я никуда не уйду, — мягко уговаривал Вэй Цю.

Шинань продолжал пялиться, и когда Вэй Цю снова попытался закрыть ему глаза, он опять убрал руку. Он боялся сжать слишком сильно, чтобы не причинить боли, поэтому они так и играли: один закрывает, другой открывает.

Вэй Цю не выдержал и рассмеялся: — Ши-гэ, я и не знал, что ты такой забавный!

Сегодня Шинань открылся ему с совершенно новой стороны.

— Ладно, давай спать вместе. — Вэй Цю лег рядом, и Шинань тут же намертво его обхватил. — Ши-гэ, полегче, я не убегу, — прошептал юноша.

Хмельной Шинань с трудом ворочал мыслями, но одна идея жгла его изнутри.

Он пробормотал, глядя в глаза Вэй Цю: — Мы договорились... ты остаешься здесь.

Это звучало и как вопрос, и как утверждение. Он ждал подтверждения.

Вэй Цю кивнул: — Да, договорились. Спи.

Только тогда Шинань наконец закрыл глаза, но хватку так и не ослабил. Вэй Цю пришлось немного поерзать, чтобы устроиться поудобнее в его руках, и вскоре он тоже погрузился в сон.

<http://bllate.org/book/17091/1597529>